

— Миша в своих постоянных сражениях с Митей вдруг как-то обозвал его:

— Ты - бука политическая!

— Я опешил сначала - откуда это? А потом понял и расхохотался: я зачитывал однажды Сашуле из "ЛГ" кусочек из статьи (про фестиваль документальных фильмов), автор которой сетовала:

— А почему нет никакой киноинформации про Демократический Союз? Это что ещё за бука политическая такая?

— Мише, видать, это словосочетание понравилось, и он включил его в свой арсенал обзывательств.

*17 января 1989 г., кирха*

Ещё летом я получил письмо из ГДР от Матиаса Фёрстера, в котором он сообщал, что будет в первых числах ноября в Ленинграде, и просил меня приехать туда для встречи, если я смогу, разумеется. Я пообещал, что приеду, и всячески старался, чтобы семинар в Звенигороде не совпал по времени с командировкой Матиаса в Ленинград; однако именно это и случилось по независящим от оргкомитета причинам (условия продиктовали хозяева пансионата).

Тогда я позаботился о месте для Матиаса в пансионате и сообщил ему о возможности для него побывать в Звенигороде и о желательности нашей встречи с ним там. Матиас был согласен и даже с удовольствием на такой вариант, хотя опасался, что ему официально не разрешат отклониться от намеченного маршрута, да и мои коллеги по оргкомитету - Павлов и Соболева тряслись: как же, если у нас иностранец появится, то семинар сразу станет международным, а для этого нужно заранее специальные бумаги оформлять!

Страхи эти оказались напрасными, потому что про Матиаса забыли ленинградские чиновники, ведающие приёмом иностранцев, не забронировали ему гостиницу, а когда он сообщил, что едет, телеграфировали ему отказ: нету мест, мол, тут у нас, все гостиницы забиты, приезжайте позже.

Матиас перенёс командировку на две недели, и вот мне позвонил Слава Уваров из ААНИИ:

- Фёрстер будет в Ленинграде с 15 ноября, очень хочет увидеться с Вами.

Мне, честно говоря, уже не очень хотелось мотаться куда-либо ещё, тем более в преддверии очередной поездки в ПГИ (на выборы), да ещё с радикулитом, но тут позвонила сестра - Любка и сообщила, что они с Жоркой будут в ближайшие дни в Ленинграде (Жора в командировке, она в отгулах), откуда она хочет смотаться в Калининград на мой день рождения - как никак 45, юбилей! - дабы забрать, наконец, у меня что-нибудь из моих рукописей для прочтения её приятелю - писателю Золотарёву, который может дать квалифицированную рецензию и вообще протолкнуть рукопись в печать, у него сын там какие-то связи имеет в кооперативном издательстве, неужели тебе, Сашка, неинтересно?

Я ответил сестре, что собирался в Ленинград сам, с немцем встретиться надо, но колебался - ехать ли, спина болит, да и замотался уже, устал от поездок, но раз они с Жоркой там, то я, пожалуй, поеду, охота повидаться с обоими, а то в Протвино никак не выбраться.

- Что касается Золотарёва, то у меня к нему особого доверия нет, хотя я и не знаю его, правда; да и рукописи у меня не в таком состоянии, чтобы давать их рецензировать, но, может быть, что-нибудь и привезу с собой. Ну, а на день рождения приедешь, это независимо - буду рад, только юбилеев никаких я устраивать не собираюсь, смеёшься, что ли, какие тут к чёрту юбилей!

Телефонный разговор с Любкой определил мои намерения - я поехал в Ленинград. Опекавший Фёрстера в Ленинграде Слава Уваров уговорил меня выступить в ААНИИ на

семинаре ленинградских геофизиков (из ЛГУ, Ленинградского Отделения ИЗМИРАН и ААНИИ), где я и встретился с Матиасом, который тоже делал доклад на этом семинаре.

— Но первым, с кем я встретился в ААНИИ, был ... мой дорогой Б.Е.! Я на втором этаже останавливаю лифт, идущий вверх, двери открываются, а там Б.Е. стоит!

— Здравствуйте! - говорю. - Вы чего тут делаете?

— Здравствуйте, Саша. На семинар еду. А Вы?

— И я тоже на семинар.

— Оказывается, на этом семинаре Града Петрова из ПГИ, от Власкова, свою диссертацию представляет, а Б.Е. у неё научный руководитель. Поговорить нам толком не удалось. О результатах опроса в ПГИ Б.Е. знал и был очень огорчён невысоким местом Терещенко. Он по-прежнему считал Женю единственным подходящим кандидатом на пост директора, а все эти демократические игры как способ поиска руководителя не признавал за серьёзное мероприятие.

— С Матиасом мы провели целый день в интуристовской гостинице в Гавани, в его номере, где я отвечал на все интересующие его вопросы по проблемам ионосферного моделирования.

— От Матиаса я услышал подтверждение новости, которую сообщила мне как-то по телефону Антенна Семёновна Беспрозованная: муж Гудрун - Детлеф ездил в ФРГ и не вернулся оттуда, остался там. Гудрун хочет ехать к нему, подала заявление, но ответа может ждать и несколько месяцев, и несколько лет. У них перестройка ещё не начиналась, а кое-какие вещи, опубликованные в СССР, там запрещены. Например, подписчики не получили номер журнала с пьесой Шатрова "Дальше, дальше, дальше..."

— От Гудрун и от себя Матиас привёз кучу подарков для моего семейства. На прощанье мы с ним прогулялись по Васильевскому острову, зашли в магазин грампластинок, и я купил по паре дисков ему и Гудрун в подарок ("Ассу" и "Русскую духовную хоровую музыку").

— Остановился я в Ленинграде у Розы Мартыновны - Жоркиной мамы, чтобы вечерами пообщаться с Любкой и Жоркой. В этой же квартире живут Галка - Жоркина сестра с мужем Юрой, знакомые мне ещё с моих аспирантских ленинградских времён, но с ними я уже лет двадцать не встречался. У них сын Димка - Андрюшкин сверстник, тоже студент ЛГУ, историк, оба в армии сейчас служат, по обоим бабушка Роза очень скучает и переживает за обоих.

— Я решил-таки, привёз и отдал Любке один томик (150 машинописных страниц) своих "Записок рыболова-любителя", где описаны годы с 1966-го по 1969-й. Сначала я собирался сделать выборку каких-нибудь более или менее удачных в литературном отношении мест, но потом отказался от этой затеи - некогда было, да и рвалась сюжетная связь при этом.

— К томику же приложил комментарий на полстранички - это, мол, не для печати. А для семьи и друзей, соответственно и нужно относиться ...

— С Жоркой мы, как водится, обсуждали перестройку и Горбачёва, которого я ругал за ограниченность, непоследовательность и неинтеллигентность, Жорка же защищал:

— На фоне таких, как Егор Лигачёв, Михаил Сергеевич - золото драгоценное!

— На фоне-то оно, конечно. Но если на наш фон всё время ориентироваться, то чёрт-те что можно будет за драгоценность принимать. Общечеловеческие мерки уже отменены, что ли, напрочь? Горбачёв, может быть, лучший советский руководитель, но пень пнём бывает, печать своего класса и времени на нём неизгладимая лежит при всей его искренней озабоченности судьбой несчастной державы.

— Больше социализма, видите ли, ему надо. Куда уж больше?!

— Впрочем, я к нему лучше сейчас отношусь, чем во время 27-го съезда, например. Кажется, он прогрессирует в сторону демократии, но, может быть, это только кажется.

— А вот гласность прогрессирует несомненно. В Ленинграде смотрел по местному ТВ передачу "Общественная приёмная", посвящённую обсуждению проектов Законов о

выборах и поправках к Конституции, так там чего только не несли с экрана:

—- Этот нынешний Верховный Совет никаких путных законов выработать не в состоянии, его надо сначала переизбрать, хоть по старым правилам, а потом уж новые законы принимать! А то, что сейчас предлагают, - хуже старых законов, это удар по демократии!

—- Это за какие такие заслуги коммунистам сто мест выделено? И почему именно сто, а не тысячу или десять?

—- Вот мы тут спорим, волнуемся, горячимся, а кого наше мнение интересует? То, что сверху спущено в Верховный Совет, то и будет принято, что бы там народ ни высказывал, им на наше мнение плевать!

—- Неправда, товарищи, нам на ваше мнение не наплевать, от имени КПСС заявляю... и т.д., и т.п.

—- 80% принявших участие в обсуждении оценили проекты законов как антидемократические, что, разумеется, не помешало Верховному Совету их принять с незначительными поправками, а Горбачёву оценить их как величайшее достижение перестройки и демократии (а мужественных эстонцев, воспротивившихся этим новшествам и потребовавших суверенитета, - заклеить), и это не взирая на опросы "Комсомолки", и на общий критический тон прессы.

—- Но, главное, конечно, было не в том, что законы были приняты, а в том, что их дозволено было открыто критиковать! Это всё-таки достижение.

—- А "Собачье сердце" по ЦТ?! Из нелегальности да на всесоюзный экран!

—- В Ленинграде навесил я Ирину с Димой - побывал у них в общаге. Комнату они заняли получше (пошире), чем в прошлом году, и Дима её оборудовал всякими антресолями и кухонным уголком, оправдав к Иринкиному удовлетворению свой преждевременный отъезд из Калининграда летом. Иринка эти постройки показывала с гордостью, но тут же и упрекала мужа за тупые ножи.

—- Оба подрабатывали на дежурствах в больницах, копили деньги на радиосистему. Дима к тому же связался с ленинградскими неформалами, активно участвовал в каком-то демократическом студенческом движении, ездил к эстонцам в Тарту обмениваться опытом ...

—- Отношения у них с Ириной вроде были нормальные, если не считать мелких стычек.

Когда я вернулся в Калининград, Сашуля рассказала мне об одном телефонном звонке, очень её взволновавшем. Звонил мальчик, Митиного примерно возраста. Он, видимо, ошибся номером, зачем-то ему нужна была больница. Возможно, он хотел задать свои вопросы, беспокоившие его, врачу, а решился - задать Сашуле, определив, быть может, по тону её голоса, что она добрая.

- Тётя, а Вас можно спросить?

- Спрашивай, - согласилась Сашуля.

- А онанизмом вредно заниматься?

- Вредно.

- А почему учителя нас голых бьют?

- Где вас бьют?

- В интернате правдинском. Ещё, говорят, будут резиной бить, если будем плохо учиться. Это больно?

- Не знаю. А ты матери своей жаловался?

- Говорил. Она говорит - учись хорошо, и не будут бить.

Что-то ещё он в этом же духе спрашивал, ставя Сашулю в тупик своими жуткими вопросами. Она отвечала, как могла, но когда он спросил напоследок:

- А можно я ещё Вам позвоню? - она смалодушничала, сказала:

— Нет, мальчик, я занята, у меня нет свободного времени, - испугалась чего-то тёмного, неприятного, грязного, а теперь переживала и стыдилась своего малодушия.

— Своё 45-летие я отметил дома в компании Сашули, Мити, Миши, деда с Тамарой Сергеевной, Шагимуратовых и Коренькова. Люба ехать в Калининград передумала - повидались и ладно. Кореньков был один - Нина в море плавала где-то. Звонили по телефону и поздравляли Бирюковы, Иринка, Милочка, Серёжа (из Ленинграда, в командировке там), утром Люда, Бургвицы, Ярцевы и Пронько-Намгаладзе поздравили телеграммами.

*18 января 1989 г., кирха*

В этом году у меня возобновились контакты с Толей Лаговским по его инициативе. Мой бывший ладушкинский сосед по лестничной площадке и соратник по борьбе с Гостремом все эти годы искал себя и своё место в жизни, переходя из обсерватории в облстатуправление, оттуда в КГУ, из КГУ на Судореммашзавод, затем обратно в КГУ на кафедру Кости Латышева, где и обретался в последнее время.

Встречались мы с ним крайне редко, от случая к случаю, но чувство взаимной доброжелательности сохранили. И вот около года назад Лаговский появился в обсерватории с просьбой посмотреть и взять с собой кое-какую литературу по диагностике суббурь, которой он занимался у нас вместе с Саенко ещё в гостремовские времена.

Оказалось, он работает над диссертацией! Взялся за то, от чего отказался, когда работал у нас. Он нашёл себе патрона - научного руководителя из Совета по автоматизации при Президиуме АН, и тот вселил в него уверенность - давай, мол, Толя, не боги горшки обжигают.

И Толя взялся доделывать то, что начинал когда-то у нас. За консультациями он приходил ко мне - Саенко тогда плавал в морях, да, похоже, Лаговский и не хотел к нему обращаться. Уж что он за диссертацию написал, я не знаю. Не думаю, что шедевр. Но тем не менее вышел на защиту, которая должна была состояться в Томске перед Новым годом.

К этому времени Толя в очередной раз сменил место службы, правда, в пределах КГУ: перешёл на новую кафедру - "Математической кибернетики", которая выделилась из Костиной. А возглавил эту кафедру некто Даниленко, недавно появившийся в университете молодой (сорока ещё нет) профессор из Омска. Он был принят на Костину кафедру, но Костю с его тёплого места сгонять не стал (имея на это все основания, будучи профессором), а организовал свою собственную кафедру, куда и пригласил Лаговского.

Даниленко же сам явился из Омска вслед за неким Селезнёвым, бывшим ректором Омского Политехнического Института, который возглавил в КГУ кафедру общей физики - бывшую Кочемировского, а потом Никитина. Никитину, в отличие от Кости, не повезло: пришлось уступить место завкафедрой Селезнёву. Зато Миша написал докторскую и уже собирался её представлять на кафедре, как обычно, в своей манере, никому предварительно не показывая, но потом перенёс это дело. Говорят, Селезнёв притормозил.

Селезнёва я так до сих пор ещё в глаза видывал, а с Даниленко (Евгением Леонидовичем) познакомился 26 ноября описываемого 1988 года у Лаговского дома. Толя меня специально к себе пригласил, чтобы с ним познакомить, по просьбе самого Даниленко, который затеял создавать в КГУ спецсовет по защите кандидатских диссертаций по специальности "Применение ЭВМ в математическом моделировании" и надумал меня туда вербовать.

Даниленко мне понравился. Вот, например, его оценки Латышева и Никитина: "Костя - мужик, ленивый, хитрожопый, но откровенный, и всегда знаешь, что у него за душой. А вот Никитин - скользкий тип и очень опасен." Трудно не согласиться.

Даниленко очень заинтересовался моим рассказом о ДС, ДОСПе и калининградских неформалах. Сам он, как оказалось, член КПСС, причём вступил, по его собственному

признанию, "в зрелом возрасте и по глупости". Через короткое время после нашей первой встречи за бутылкой у Лаговского, он позвонил мне и попросил дать посмотреть материалы ДС и ДОСПа, о которых я ему рассказывал.

— Я согласился, пригласил его к себе домой, и он уволок от меня на прочтение всю кучу моей самиздатовской демократической литературы. Стоит заметить, что из моего ближайшего окружения (Серёжа, Кореньков, Шагимурагов, Саенко, Клименко, Ваня, Федя) ни один (!) не попросил что-нибудь взять почитать, хотя я всё почти таскал на работу и всем показывал.

*[\(продолжение следует\)](#)*

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)